

В творческой лаборатории

ПОСТИЖЕНИЕ ОБРАЗА

Вместе с лунным светом притихший ночной сад вдруг озаряется восторженно-удивленным, нежным, прозрачным голосом: «Я не буду, я не могу спать. Соня, Соня...» Еще мгновение — и на балконишке старого особняка появляется Наташа Ростова — радостная, беспокойная. Поблескивают ее черные глаза, и руки — как крылья, словно готовы унести ее высоко, высоко. Минувшей-другой позднее намеренно разрушаешь иллюзию сценического правдоподобия. В самом деле, ведь голос Наташи — это голос певицы, а лунный свет, притихшее в ночной тиши имение графа Ростова и этот старый особняк, на балконе которого радуется черноглазая девочка, — все это всего лишь театр.

Но, собственно, почему «всего лишь»? Этому голосу веришь, этот театр, соединивший великие имена Толстого и Прокофьева, — пленяет высокой правдой духа, являя открытие — творческое для

каждого, кому дорог мир русской музыки. Не потому ли на опере «Война и мир» в

Пермском оперном театре зал всегда полон? Не потому ли те, кто послушал оперу раз, возвращаются к ней снова и снова, плененные музыкой толстовских образов и высокой поэзией музыки Прокофьева?

У Нины Абт-Нейферт роль Наташи Ростовской получилась не сразу. С труднейшей вокальной партией все обстояло благополучно, а вот характер Наташи, знакомый каждому едва ли не с детства, обозначался как бы пунктиром и не складывался в цельный художественный образ.

Но уже тогда, в самом начале работы певицы над образом, было ясно, что она обязательно станет Наташей Ростовской, как только уловит в

характере героини нечто сущностное, являющее тайну ее внутреннего мира.

В моей записной книжке сохранилась запись одной из бесед с певицей:

— Нет, я не теряюсь в этом огромном мире музыкальных интонаций Прокофьева. Конечно, они очень своеобразны, очень индивидуальны. Но они близки мне. Музыка — очень русская, очень национальная. И все-таки боюсь торопить себя, делать скороспелые выводы, принимать категоричные решения. Снова, в который раз, задаю себе вопрос, как до конца прочувствовать и этот вальс — первый вальс моей Наташи, и этот льющийся, как ручей, дуэт — дуэт с Соней, и это смешанное чувство неопределенности и надежды — в последней встрече с князем Андреем в Мытищах? Иногда я почти уверена в том, что знаю как, чаще — теряюсь в догадках...

Все-таки удивительно интересное это время — процесс работы над образом. И у каждого актера оно протекает по-своему. Кто-то выходит на сцену с готовым замыслом и от спектакля к спектаклю лишь шлифует детали. Кто-то, как Нина Абт-Нейферт, не фиксирует сценического рисунка роли и каждый раз предлагает зрителю новый вариант судьбы персонажа.

Запись еще одной беседы: — Сцена «У Ахросимовой», на мой взгляд, пока самая удачная во всей опере. Но ведь

и самая трудная. Почему же она удается вам лучше других, получается глубже и психологически насыщеннее?

— Наташа Ростова, оказавшись в подобной ситуации, на этот вопрос ответить не смогла бы. Она бы воскликнула: «Ах, боже, боже мой! Ну что же это такое?» Как в опере, как в романе. Ведь в ней все стихийно, всегда она неузнаваема, всегда другая. И эмоции все время правят ее поведением. Не мысли, не холодная самооценка. А живое, искреннее и подвижное чувство. И как его уловить? Надо попробовать так же чувствовать...

«У Ахросимовой» Нина Абт-Нейферт чувствовала себя Наташей. Вот она, счастливая и казнящая себя, томится в ожидании Анатоля Курагина. Вот отчаянно бросает Ахросимовой: «Оставьте, оставьте меня!.. Зачем вы всему помешали?...» Вот робко и отчаянно просит Пьера передать князю Андрею, чтобы он простил ее. И смятенно, с горечью в голосе вскрикивает: «Я хуже, хуже всех...» Слово не было этого неудавшегося похищения, жесткого разговора с Ахросимовой, стыдливой беседы с Пьером. Одна сцена — а сколько эмоциональных состояний, какая стихия чувств и внутренних борений! И от этой сцены, думается, и пришло к певице

понимание тайны Наташи, понимание ее характера.

В музыке Прокофьева интонации Наташи все время стремятся вверх, замирают в порыве чувства на ноте робкой и трепетной и, словно вздохнув, находят свое разрешение в скользящей вниз мелодии. В одном этом мелодическом ходе вся Наташа, в которой неподдельность чувства в тысячу раз важнее, чем трезвая рассудочность и холодная самооценка. Потому она всегда неожиданна, непредсказуема, потому-то и сам Толстой дивился характеру своей Наташи.

И Нина Абт-Нейферт подсказывает прочесть то место в романе, которое, как мне кажется, многое объясняет. Его выписываю на страничку рядом с записью беседы. «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинька, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух?.. Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, которых и ждал от нее дядюшка».

Доверившись музыке, Нина Абт-Нейферт обрела на сцене свободу и раскованность. Отказавшись от какой бы то ни было «запрограммированности» в раскрытии характера, она постигла все существо своей героини — изменчивой, как природа и как природа —

поэтичной. Работа состоялась. Свидетельство тому — выдвижение Нины Абт-Нейферт вместе с группой работников театра на соискание Государственной премии РСФСР в области музыкального искусства за 1984 год.

Сегодня Нина Абт-Нейферт возглавляет в театре группу лирических сопрано. В партиях для этого голоса, таких, как Татьяна («Евгений Онегин» Чайковского), Иоланта («Иоланта» Чайковского), мадам Баттерфляй в одноименной опере Пуччини, удивительно свежо, органично звучит ее красивый голос. При этом певица с успехом исполняет и ряд драматических партий. И здесь для нее тот же путь, что и в работе над образом Наташи Ростовской. Путь многочисленных набросков, зарисовок, постепенно, исподволь готовящий оригинальную концепцию роли.

Например, такую, как в партии Ренаты («Огненный ангел» С. Прокофьева). Став первой исполнительницей этой сложнейшей партии на советской сцене, Н. Абт-Нейферт, на мой взгляд, дала своеобразный рецепт решения противоречивого и неоднозначного характера Ренаты. Не мистические силы и болезненное воображение движут ее героиней, а вполне реальное и объяснимое желание человека наполнить

собственную жизнь тем высоким и одухотворенным содержанием, которого его лишили, оставив страдать в одиночестве и жить лишь одними воспоминаниями.

Жизнь для героини Абт-Нейферт началась с пронзительно счастливой ноты, можно сказать, — в своей кульминации. Затем — потеря счастья. Далее — лихорадочные, подчас ошибочные поиски прежних идеалов. Погружаясь в них, Рената — Абт-Нейферт то и дело вспоминает пережитое, проигрывает варианты собственной судьбы, и в итоге — так и не обретя желанной гармонии с миром, решается на забвение. Путь на костер инквизиции предопределен ею самой.

Как и любому творческому человеку, Нине Абт-Нейферт свойственно ошибаться, искать, порою не сразу находя пути к воплощению образа. И не беда, что вследствие этого ее выступления на сцене не свободны от известной неровности. Как и любой творческий человек, Нина Абт-Нейферт умеет побеждать. И если побеждает, то уж наверняка.

С. КОРОБКОВ,
театровед.

На снимке: Н. АБТ-НЕЙФЕРТ в опере С. Прокофьева «Война и мир».

Фото Ю. Сякина.